

Основные подходы к политике безопасности Японии в период Холодной войны*

Бадоян Г.В.

Кафедра Всемирной Истории и регионоведения Российско-Армянского Университета

(Армения, Ереван)

gor.badoyan@gmail.com

Ключевые слова: Япония, пацифизм, «холодная война», политика безопасности, американо-японский союз

Ճապոնիայի անվտանգության քաղաքականության հիմնական մոտեցումները «սառը պատերազմի» ժամանակաշրջանում

Բադոյան Գ. Վ.

Հայ-Ռուսական համալսարան (Հայաստան, Երևան)

gor.badoyan@gmail.com

Ամփոփում: Հեղինակը բացահայտում է այն հիմնական մոտեցումները, որոնք մշակվել են արևմտյան և ճապոնական ակադեմիական շրջանակներում, «սառը պատերազմի» ժամանակաշրջանում Տոկիոյի անվտանգության քաղաքականության գնահատման համար: Հոդվածում շեշտը դրվում է պացիֆիզմի ընթացքի հիմնական մեկնաբանությունների վրա և վերլուծվում է պատմագրության մոտեցումները և նրանց տարբերությունները: Ուսումնասիրության մեթոդը բաղկացած է հիբրիդային մոդելից, որը թույլ է տալիս վերլուծել այնպիսի գործոնների ազդեցությունը, ինչպիսիք են պացիֆիզմը, հակաավանդականությունը և «թակարդը ընկնելու վախը» Տոկիոյի անվտանգության քաղաքականության ավելի մանրամասն բացատրության համար: Միննույն ժամանակ ընդգծվում է անվտանգության քաղաքականության մեջ կարգավորող գործոնների կարևորությունը: Սա ցույց է տալիս, որ ոչ միայն անվտանգության, այլև անվտանգության նորմեր չհանդիսացող չափանիշները ազդում են պետության արտաքին վարքագծին:

Վճռորոշ բառեր՝ Ճապոնիա, պացիֆիզմ, հակաավանդականություն, «սառը պատերազմ», անվտանգության քաղաքականություն, ԱՄՆ-Ճապոնիա դաշինք

Primary Approaches to Japan Security Policy During the Cold War Period

Badoyan G.V.

Russian-Armenian University (Armenia, Yerevan)

gor.badoyan@gmail.com

Abstract: The author reveals the main approaches that have been developed in the Western and Japanese academic community to the assessment of Tokyo's security policy during the Cold War. The article stresses main interpretations of the accepted course of pacifism and analyzes the difference of approaches and distinctive features of historiography. The method of study consists of a hybrid model to analyze the influence of such factors as pacifism, anti-traditionalism and "fear of being trapped" in Japan's security policy to provide a more detailed explanation of Tokyo's security policy. At the same time, the relevance of regulatory factors in security policy is emphasized. This shows that not only security standards but also non-security norms influence the external behavior of a state.

Keywords: Japan, pacifism, anti-traditionalism, Cold War, security policy, the US-Japan alliance

* Статья подготовлена в рамках работы над диссертационным исследованием на тему: «История становления пацифизма в Японии в 1945-1996 гг.», при финансовой поддержке Японского Фонда (программа КС-Г). «Japanese-language program for specialists (specialists in cultural and academic fields)».

После окончания Второй мировой войны Япония в течение длительного времени оставалась приверженной ценностям Конституции 1947 г., по которой отказалась от суверенного права нации на ведение войны. Вопрос обеспечения безопасности островов по большей части перекладывался на плечи главного союзника Токио – Соединённые Штаты. В течение длительного времени такое положение дел устраивало обе стороны. Однако с распадом СССР и завершением эпохи «холодной войны» международная обстановка поменялась, и Япония начала пересматривать свою политику безопасности. В этом процессе можно выделить несколько важнейших реперных точек. Прежде всего, знаковым стал январь 2007 г., когда Агентство Оборонной Японии было преобразовано в Министерство обороны. В это же время Силы Самообороны Японии в качестве одной из своих основных миссий определили участие в военных операциях за рубежом. Следующим важным свидетельством изменений подхода Токио к вопросам безопасности стал приход в 2012 г. к власти премьер-министра Абэ Синдзо, который, во-первых, провозгласил курс на пересмотр пацифистской Конституции Японии, во-вторых, увеличил бюджет на военные расходы. 7 июня 2013 г. был создан Совет национальной безопасности, призванный стать опорой японской политики, направленной на поддержание, как внутренней безопасности, так и на мировой арене.¹

Новый подход японского руководства не может не вызывать вопросов. Например, почему Токио решает изменить траекторию политики безопасности, и почему этого не произошло раньше? Какие препятствия существовали в эпоху «холодной войны»? Чтобы понять генезис современных трансформаций политики Японии обратимся к её истокам. Многие особенности, присущие стратегии безопасности, Токио берут своё начало в послевоенный период.

Для того, чтобы понять, в чем кроются причины осмотрительной политики Токио в области безопасности в период «холодной войны», проанализируем несколько подходов, которые сложились среди экспертов, изучающих послевоенную Японию.

Представители школы политического реализма с лёгкостью дают ответ, почему происходят трансформации, которые активно претворяются в жизнь кабинетом премьер-министра С. Абэ. Рост мощи КНР и обострение ядерной проблемы на Корейском полуострове, являя

собой источник беспокойства, подстегнули Японию и к формированию новых институтов, отвечающих за национальную безопасность и наращиванию военного бюджета. Таким образом, Кристофер Хьюз объясняет действия японского руководства как закономерную реакцию на рост региональной напряжённости.² Тем не менее, реалисты не дают ответа, почему политика Токио в области безопасности в годы «холодной войны» шла в фарватере пацифизма. Более того, с позиции политического реализма она является парадоксальной.

Пол Мидфорд³ и Кристофер Твоми⁴ трактовали японскую политику в области безопасности, как основанную на оборонительном реализме. Согласно этому подходу Токио прекрасно понимал, что наращивание военного потенциала неизбежно подтолкнет соседей к ответным действиям, что приведёт к гонке вооружений и росту напряжённости в регионе. Поэтому можно сказать, что японское правительство поступило весьма дальновидно. Ричард Сэмюэлс⁵ и Эрик Хегинботом⁶ оценивают Японию, как следующее принципам политического реализма государство. В частности, политике Токио приписывают черты "техно-национализма". Этот принцип воплощается в стремлении к самодостаточности и передовому опыту в области технологий в целях укрепления национальной безопасности.

Ответить на вопросы, связанные с такой позицией Японии в послевоенное время, отчасти получается у конструктивистов. Томас Бергер и Питер Катценштайн предложили свою трактовку: в период «холодной войны» политика безопасности Токио была продиктована новой нормой безопасности. После поражения во Второй мировой войне японцы стремились всеми путями избежать возрождения милитаризма. Вследствие этого была сформирована антимилитаристская норма, которая объясняет отказ Японии от участия в военных операциях за рубежом.⁷

² Hughes C.W. Japan's Re-emergence as a "Normal" Military Power, Adelphi Papers, No. 368-9. London: International Institute for Strategic Studies, 2004.

³ Midford P. The Logic of Reassurance and Japan's Grand Strategy, Security Studies, Vol. 11, No. 3, 2002. P. 2-42.

⁴ Twomey C. P. Japan, a Circumscribed Balancer: Building on Defensive Realism to Make Predictions about East Asian Security. Security Studies, Vol. 9, No. 4. 2000. P. 167-205.

⁵ Samuels R. J. Rich Nation, Strong Army: National Security and the Technological Transformation of Japan Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994.

⁶ Heginbotham E., Samuels R., Mercantile Realism and Japanese Foreign Policy. International Security, Vol. 22, No. 4. Spring 1998. P. 171-203.

⁷ Berger T. Cultures of Antimilitarism: National Security in Germany and Japan. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998 и Katzenstein P. J. Cultural Norms and National

¹ Defense of Japan 2013. P. 105.

URL:https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2013/24_Part2_Chapter1_Sec4.pdf, 04.02.2019

Конструктивисты отмечают проявление антимилитаристской нормы в двух измерениях: концентрация внимания на развитии экономического потенциала Японии и делегирование вопросов безопасности США, как стратегическому союзнику, и институциональными особенностями японской политики. В первом случае речь идёт о Доктрине Ёсида. Именно в соответствии с этой доктриной правительство Японии приняло решение концентрации ресурсов на экономике. Прочным фундаментом для укрепления доктрины стал процесс пересмотра положений Договора безопасности, вокруг которого в 1960 г. возникла широкая дискуссия. Т. Бергер оценивает те массовые протесты, которые поднялись против японского правительства, в связи с пересмотром ряда положений Договора безопасности, как исторический момент, определивший дальнейшее развитие военно-политической культуры Японии.⁸ Действующее правительство Киси Нобусукэ не могло не считаться с общественным мнением. В результате, в вопросах национальной безопасности чаша весов склонилась в сторону пацифизма. Премьер-министру Н. Киси, не сумевшему правильно оценить общественные настроения, пришлось уйти в отставку.

Второе измерение связано с пацифистской Конституцией Японии. Прежде всего, речь идёт о 9 статье. Японским правительством толкование данной статьи сводится к тому, что Япония обладает правом на коллективную самооборону, не имеет права его реализовать. Подобная трактовка представляется парадоксальной, поскольку на основании статьи 51 Устава Организации Объединённых Наций правом на коллективную самооборону обладает каждое государство. Объяснить сложившийся парадокс довольно удачно получилось у Т. Бергера. Как представитель конструктивистского подхода, он в качестве первопричины добровольных институциональных ограничений Токио в области обеспечения национальной безопасности, называет страх японского народа перед возрождением милитаризма. Следствием чего и стало довольно жёсткое самоограничение Японии в вопросах обороны, прочно укоренившееся в её политической жизни. Антимилитаристская норма органично дополняется тремя неядерными принципами Хикаку сан гэнсёку (非核三原則): отказ от владения, производства или ввоза ядерного оружия на территорию Японии.

Несмотря на то, что конструктивисты дают достаточно полное объяснение того, почему

Япония не стала занимать активную позицию в вопросе обеспечения собственной национальной безопасности в период «холодной войны» критика такого подхода тоже существует. С позиции политических реалистов влияние антимилитаристской нормы в японском обществе явно преувеличено. Так, например, Дженнифер Линд придерживается мнения о том, что Токио сознательно отказывается от обеспечения собственной безопасности, с расчётом на поддержку США.⁹

Если представители западной науки объясняют политику безопасности Японии в период «холодной войны» с позиции двух фундаментальных теорий международных отношений: реализма и конструктивизма, то японские исследователи предлагают несколько отличную трактовку. Особого внимания заслуживает анализ, основанный на таких идеологиях как пацифизм и антитрадиционализм.

Рассматривая политику безопасности Японии, в ракурсе пацифизма, стоит отметить, что после окончания Второй мировой войны, сторонники пацифистских идей активно выступали за полное разоружение государства, отказ от военных альянсов и всесторонне поддерживали институциональные ограничения на применение военной силы, налагаемые Конституцией 1947 года.

В японском пацифизме можно выделить два течения. Первое – организованная группа, объединившая в себе членов Социалистической партии Японии, Коммунистической партии Японии, а также профсоюзных организаций. Это течение, занявшее проактивную позицию, сыграло лидирующую роль в противостоянии активной политики безопасности Токио. Второе – представляет собой объединение интеллектуалов, сторонников философии пацифизма. Среди них можно назвать ряд известных деятелей: активиста и ученого Икутаро Симидзу, либерального ученого международной политики Ёсикадзу Сакамото и писателя Макото Ода. Примечательно, что, несмотря на разницу основ двух течений, они единодушно придерживались мнения относительно толкования 9 статьи Конституции, согласно которой Япония отказывалась от права на коллективную самооборону. Также их последователи единым фронтом выступали против любой инициативы, которая могла привести к пусть и незначительному, но увеличению военного потенциала японского государства.

Т. Бергер отмечает, что антимилитаризм не является эквивалентом пацифизма. По его мне-

Security: Police and Military in Postwar Japan. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1998.

⁸ Berger T. Cultures of Antimilitarism. P. 48-51.

⁹ Lind J. M. Pacifism or Passing the Buck? Testing Theories of Japanese Security Policy. International Security, Vol. 29, No. 1, 2004. P. 92-121.

нию, пацифизм ближе всего подходит к тому, что он определяет как анти-милитаризм в контексте того, что пацифисты Японии ненавидят военные организации.¹⁰ В конце 1940-х гг., пацифистская интеллигенция Японии опубликовало сборники писем солдат, которые были студентами во время призыва и были убиты в войне на Тихом океане. В произведениях описывался их боевой опыт, жестокость и эгоизм офицеров, часто в противовес идеализму и нежеланию солдат вести бессмысленную войну. Эти издания стали бестселлерами. В 1950 г. группа японских пацифистов создала такие организации, как Японское Общество Памяти Студентов Погибших На Войне (日本戦没学生記念会(わだつみ会)), в надежде распространить свои антимилитаристские взгляды.

Таким образом, сила пацифистских убеждений как философии, идеологии и в то же время общественного движения, которое способно влиять на процесс принятия политических решений как раз и задавала вектор развития системы безопасности Токио, сложившейся в период «холодной войны». Результатом этой политики стал добровольный отказ Японии от активных действий в процессе поддержания собственной оборонноспособности.

Другая, не менее значимая идеология – анти-традиционализм. Как отмечал Ёдзи Ватануки, политика безопасности, реализуемая Токио в период «холодной войны», представляет собой результат противостояния традиционалистов и анти-традиционалистов.¹¹ Традиционалисты были убеждены, что Япония обладает такими важными фундаментальными ценностями, как уважение к властям, коллективизм, самопожертвование, настойчивость. В противовес традиционалистам, полагавшим, что внедрение американской демократии посредством политических и социальных реформ, проводимых оккупационным правительством США, наносит ущерб исконно-японской системе ценностей, анти-традиционалисты были сторонниками демократических реформ. Что касается вопросов безопасности, то в этой области анти-традиционалисты довольно часто сотрудничали с пацифистами. Позиции этих двух течений нередко совпадали. Однако если пацифисты четко следовали принципам антимилитаризма в силу своих идеологических убеждений, анти-традиционалисты основной своей целью видели защиту японской демократии.

Ё. Ватануки в качестве одной из важнейших особенностей анти-традиционализма отмечал следующее. Сторонники данного течения рассматривают политику безопасности преимущественно с точки зрения внутривнутриполитических процессов, происходящих в Японии, точнее в привязке к сохранению системы демократических ценностей. Примечательно, что даже когда речь идет о втягивании Японии во Вторую мировую войну, анти-традиционалисты не обвиняют в этом милитаристски настроенную политическую элиту. По их мнению, интенсивное военное развитие Японии кроется в природе японского общества. Один из наиболее влиятельных теоретиков политической науки Японии Масао Маруяма объяснял, что именно повинование и почтение японского народа в отношении власти привели к подъёму милитаризма, который попросту не встретил сопротивления.¹²

Анти-традиционализм отличается от концепции Т. Бергера а антимилитаризма двумя важными аспектами. Во-первых, Т. Бергер рассматривает антимилитаризм как норму безопасности, в то время как анти-традиционализм, по его словам, рассматривается в первую очередь как внутривнутриполитический, антимилитаризм отражает военно-политические ориентации культуры, связанные с обороной, безопасностью, военными действиями и применением силы. Анти-традиционализм, как его определяли Ё. Ватануки и другие ученые, в первую очередь отражает стремление улучшить качество японской демократии; вопросы безопасности становятся актуальными для анти-традиционалистов только в этих очень широких рамках внутренней политики. Во-вторых, в то время как антимилитаристы обвиняют японские военных в том, что они втянули страну во Вторую мировую войну, анти-традиционалисты утверждают, что основная причина подъема довоенного милитаризма Японии кроется в самой природе японского общества.

Фактически эти отличия делают анти-традиционалистов более гибкими и дают больше пространства для манёвра. Если пацифисты при любых обстоятельствах выступают против активизации политики безопасности Японии, то для анти-традиционалистов существует два условия, когда они готовы поддержать пацифистов. Во-первых, это может произойти в том случае, если политики действуют в ущерб интересам Японской демократии. Во-вторых, когда политики,

¹⁰ Berger T. Cultures of Antimilitarism. P. 55-59.

¹¹ Ватануки Д. Нихон сэйдзи но бунсэки сикаку 日本政治の分析資格 (Анализ японской политики). Токио: Тюо коронся, 1976. (на яп. языке).

¹² Маруяма М. Гункокуси но сэйсин кэйтай 軍国氏の精神形態 (Психология милитаристов). Полная работа Масао Маруямы, изд. 4, Токио: Иванами Сэтэн 1995. С. 325. (на яп. языке).

которые стремятся пересмотреть и вопросы безопасности в сторону расширения, являются традиционалистами. В двух обозначенных областях позиции пацифистов и антитрадиционалистов нередко совпадали, хотя справедливо отметить, что убеждения антитрадиционалистов имели более узкую направленность.

Отдельно стоит отметить ещё одну трактовку политики безопасности Японии в годы «холодной войны»: «страх быть пойманным в ловушку». Эта трактовка зиждется на классической дилемме безопасности. Один из представителей японской школы международных отношений Дицуо Цутияма обозначил «страх быть пойманным в ловушку» как определяющий фактор японской политики в области безопасности.

Третий элемент гибридной модели – «страх быть пойманным в ловушку», реалистический фактор, отражающий озабоченность дилеммой безопасности союза. Японский ученый по международным отношениям Дицуо Цутияма утверждает, что во время первой половины холодной войны страх попасть в ловушку значительно повлиял на поведение Японии.¹³ В этот период Япония была более или менее оптимистична в отношении своей безопасности, в то время как Соединенные Штаты были глубоко обеспокоены своей безопасностью в Восточной Азии. Кроме того, японцы считали политику США по отношению к коммунистическим государствам излишне агрессивной, опасаясь, что она может спровоцировать конфликт с Китаем или Советским Союзом.

Страх попасть в ловушку помог удержать Японию от разработки более активной политики безопасности; то есть, когда японская общественность испытывает такой страх, она стремится оказать давление на японское правительство, чтобы оно не проводило активную политику безопасности. Со своей стороны, японское правительство может попытаться ограничить свои союзнические обязательства перед США. Когда страх попасть в ловушку невелик, общественность менее склонна выступать против проведения правительством активной политики в области безопасности.

Уровень страха попасть в ловушку варьируются в зависимости от преобладающих условий. Например, страх Японии попасть в ловушку был в целом выше во время «холодной войны», чем после распада Советского Союза, учитывая большой риск глобальной ядерной войны. Япония была особенно обеспокоена этим риском из-

за присутствия американских вооруженных сил, что сделало ее потенциальной мишенью советского ядерного нападения. Государство может также испытывать повышенный уровень страха, когда его союзник вовлечен в региональные конфликты, которые в конечном итоге могут втянуть его в нежелательную войну. Такие государства, как Япония, которое разрешает американским военным использовать свои базы, легко может быть втянутым в войну. Более того, государство может опасаться захвата, когда оно считает своего союзника чрезмерно агрессивным, а противника своего союзника-оборонительным.

Страх попасть в ловушку смягчается, когда союзник не участвует в региональных вооруженных конфликтах, или когда противник считается агрессивным, в то время как действия его союзника рассматриваются как оборонительные или же оправданные. В этих условиях японское правительство может продвигаться вперед с активной политикой безопасности без сильной оппозиции.

Нашей задачей было объяснение японской политики безопасности в период «холодной войны». Для этого мы использовали гибридную модель. Результаты показывают, что гибридная модель более точно отражает динамику принятия решений Японии в области политики безопасности, чем антимилитаристская модель.

Данное исследование имеет более широкие теоретические выводы. Во-первых, мы демонстрируем результативность эклектического подхода, который охватывает различные парадигмы теории международных отношений. Гибридная модель включает в себя как реалистические, так и конструктивистские факторы, и анализ конкретных случаев показывает, что она может дать ясное и более подробное объяснение японской политики безопасности, чем реалистическое или конструктивистское объяснения. Некоторые могут поставить под сомнение взаимодополняемость мировоззренческих основ, на которых базируются различные факторы. Однако, Питер Катценштейн и Рудра Сил утверждают, что различные факторы и их причинно-следственные механизмы могут быть эффективно сгруппированы, несмотря на значительные различия в их философских или методологических основаниях.

¹⁴ На самом деле, даже в рамках одной парадигмы существуют значительные различия между предметным объяснением, поэтому стоит попытаться объединить объяснения, которые разделяют схожие между парадигмами результаты.

¹³ Цутияма Д. Араянсу дзиремма то нихон домэй Араяансугилемаと日本同盟 (Дилемма альянса и политика Японии), Левиафан, номер. 13, 1993. С. 50-75

¹⁴ Katzenstein P.J., Sil R. Rethinking Asian Security: A Case for Analytical Eclecticism, Stanford University Press, Stanford. P. 263.

В то же время в настоящем исследовании подчеркивается актуальность нормативных факторов в политике безопасности в Японии в эпоху «холодной войны». Это показывает, что не только нормы безопасности, но и нормы, не относящиеся к вопросам безопасности, влияют на внешнее поведение государства. Как уже говорилось, антитрадиционализм является нормой, прежде всего, внутренней политики Японии, но его влияние на политику безопасности значительно. Существующие конструктивистские исследования сосредоточены главным образом на внешних правилах поведения государств, и основное предположение, очевидно, состоит в том, что нормы, влияющие на политику безопасности государств, должны быть, в первую очередь, нормами безопасности. Однако данное исследование показывает, что это не всегда так. Тем самым открывается новый горизонт для исследований отношений между типами норм и поведением государств.

Второй более широкий теоретический вывод этого исследования заключается в том, что оно показывает плодотворность рассмотрения кажущейся единой политической культуры, сформировавшийся в Японии в период «холодной войны» как группы идей. По этой причине, в обозначенный период мероприятия, не относящиеся к безопасности, оказали влияние на процесс принятия решений Токио.¹⁵

Понимание того, что политические культуры состоят из различных элементов, позволяет объяснить, почему эти культуры оказывают различное влияние на поведение субъектов. Действительно, идея имеет влияние именно потому, что она может обратиться к группам с различными интересами или системами ценностей. Например, Манфред Джонас эмпирически демонстрирует, что изоляционизм до Второй мировой войны был особенно силен в Соединенных Штатах, поскольку он привлекал различные идеологические группы. Точно так же современный консерватизм в Соединенных Штатах состоит из частично дублируемых идеологий, таких как христианский фундаментализм, воинственный национализм, либертарианство и неоконсерватизм.¹⁶ Эти примеры показывают, что общий подход к анализу идеологических факторов используется недостаточно, но открывает большие перспективы для исследователей.

¹⁵ Kowert Paul, and Jeffrey Legro. 1996. "Norms, Identity, and Their Limits: A Theoretical Reprise." In *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*, ed. Peter J. Katzenstein. New York: Columbia University Press. P. 451–97.

¹⁶ L. Schneider, ed., *Conservatism in America since 1930* (New York: New York University Press, 2003).

В случае с Японией пацифисты использовали стратегию создания проблем и вопросов для того, чтобы пробудить страх попасть в ловушку и антитрадиционалистские настроения. Этот вывод проливает свет на стратегическое поведение нормативных агентов. То есть, это исследование показывают, что нормативные субъекты стратегически используют реалистические факторы для максимального влияния. Этот вывод подтверждает утверждение Джеймса Ферона и Александра Вендта о том, что "наиболее интересным исследованием, скорее всего, будет работа... находящаяся на пересечении рационализма и конструктивизма"¹⁷. Следует признать, что аналитический эклектизм может стать сильным инструментом осмысления международной политики, на которую всегда оказывают влияние многочисленные материальные и нормативные факторы.

Список использованной литературы

1. Berger T. *Cultures of Antimilitarism: National Security in Germany and Japan*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998. P. 48-51.
2. Katzenstein P. J. *Cultural Norms and National Security: Police and Military in Postwar Japan*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1998.
3. Defense of Japan 2013. P. 105. URL: https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2013/24_Part2_Chapter1_Sec4.pdf, 04.02.2019
4. Fearon J. W. A Rationalism v. Constructivism: A Skeptical View. Walter Carlsnaes, Thomas Risse, and Beth A. Simmons, eds., *Handbook of International Relations*. London: Sage, 2002. P. 52.
5. Heginbotham E., Samuels R., *Mercantile Realism and Japanese Foreign Policy*. *International Security*, Vol. 22, No. 4. Spring 1998. P. 171-203.
6. Hughes C.W. Japan's Re-emergence as a "Normal" Military Power, *Adelphi Papers*, No. 368-9. London: International Institute for Strategic Studies, 2004.
7. Katzenstein P.J., Sil R. *Rethinking Asian Security: A Case for Analytical Eclecticism*, Stanford University Press, Stanford. P. 263.
8. Kowert Paul, and Jeffrey Legro. 1996. "Norms, Identity, and Their Limits: A Theoretical Reprise." In *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*, ed. Peter J. Katzenstein. New York: Columbia University Press. P. 451–97.
9. L. Schneider, ed., *Conservatism in America since 1930* (New York: New York University Press, 2003).
10. Lind J. M. *Pacifism or Passing the Buck? Testing Theories of Japanese Security Policy*. *International Security*, Vol. 29, No. 1, 2004. P. 92-121.

¹⁷ Fearon J. W. A Rationalism v. Constructivism: A Skeptical View. Walter Carlsnaes, Thomas Risse, and Beth A. Simmons, eds., *Handbook of International Relations*. London: Sage, 2002. P. 52.

11. Midford P. The Logic of Reassurance and Japan's Grand Strategy, Security Studies, Vol. 11, No. 3, 2002. P. 2-42.
12. Samuels R. J. Rich Nation, Strong Army: National Security and the Technological Transformation of Japan Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994.
13. Snyder G.H., The Security Dilemma in Alliance Politics; World Politics vol.36 no. 4, 1984. P.181-183.
14. Twomey C. P. Japan, a Circumscribed Balancer: Building on Defensive Realism to Make Predictions about East Asian Security. Security Studies, Vol. 9, No. 4. 2000. P. 167-205.
15. Ватануки Д. Нихон сэйдзи но бунсэки сикаку 日本政治の分析資格 (Анализ японской политики). Токио: Тюо коронся, 1976. (на яп. языке).
16. Маруяма М. Гункокуси но сэйсин кэйтай軍国氏 of 精神形態 (Психология милитаристов). Полная работа Масао Маруямы, изд. 4, Токио: Иванами Сётэн 1995. С. 325. (на яп. языке).
17. Цутияма Д. Араянсу дзиремма то нихон домэй アラヤンスデレマと日本同盟 (Дилемма альянса и политика Японии), Левиафан, номер. 13, 1993. С. 50-75